

63.3(2)71

A 19

Аркадий Аверченко

ДВЕНАДЦАТЬ
ПОРТРЕТОВ

487

ДВѢНАДЦАТЬ ПОРТРЕТОВЪ
ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ ВЪ РОССИИ

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО

ДВѢНАДЦАТЬ ПОРТРЕТОВЪ

(ВЪ ФОРМАТѢ «БУДУАРЬ»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„INTERNATIONALE COMMERCIALE REVUE“
ПАРИЖЪ — БЕРЛИНЪ — ПРАГА — С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1923

Аркадий Аверченко

ДВЕНАДЦАТЬ ПОРТРЕТОВ

Агентство поддержки
инициативы и пионерных начинаний
1990

85

93

Казанская
Библиотека
Мушкетера
Адреса

С. Басков В. А., оформление,
1990.

487163

ОТЪ АВТОРА.

Эта книжка портретовъ — вѣчто среднее между портретной галлереей предковъ и альбомомъ карточекъ антропометрическаго бюро при сыскномъ отдѣленіи.

Во всемъ томъ, что происходитъ въ Россіи, чрезвычайно большую роль сыгралъ Александръ Керенскій. Поэтому я и отвожу ему въ своей портретной галлерей цѣлыхъ три мѣста.

И не далъ портретовъ Левина и Троцкаго, потому что эти два знаменитыхъ человѣка и такъ уже всѣмъ навязали въ зубахъ.

Вмѣсто нихъ я даю портреты ихъ жепъ. Это — элегантнѣе и свѣжѣе.

Какъ я ни хитрилъ, а въ заключеніе долженъ признаться, что изъ всей портретной галлерей мнѣ симпатичнѣе всего послѣдній портретъ — Балтійскаго матроса, въ лицѣ Шклярѣнко и Бондаря . . .

Аркадій Аверченко.

МАДАМЪ ЛЕНИНА.

Лошадь въ Сенатѣ.

Былъ въ Римѣ такой человѣкъ по имени императоръ Каллигула, а по характеру большой чудакъ... Была у Каллигулы лошадь, которую онъ до того любилъ, что однажды приказалъ сенату выбрать ее въ сенаторы.

Ну, разъ такой человѣкъ, какъ Каллигула, приказываетъ — ослушаться неловко: обидится.

И выбрали лошадь въ сенаторы.

И сидѣла она въ сенатѣ.

★

Вся дѣятельность російскихъ правителей заключается теперь въ «затыканіи за поясъ» и «утираніи носа».

Заткнули за поясъ Нерона.

Заткнули за поясъ Іоанна Грознаго.

Утерли носъ испанской инквизиціи.

Утерли носъ Варфоломеевской ночи.

★

А совсѣмъ недавно очень искусно утерли носъ и заткнули за поясъ и лошадь Каллигулы.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что такое лошадь Каллигулы? Мальчишка и щенокъ! Сидѣла она смирно, положивъ переднія ноги на столъ, и если пользы никакой не приносила, то и особаго вреда не дѣлала.

Въ Совѣтской Россіи появилась новая лошадь Каллигулы — мадамъ Ленина, жена правителя.

Да что одна лошадь Каллигулы!

Передъ мадамъ Лениной поблѣдняѣтъ цѣлый табунъ римскихъ лошадей. . .

Газеты эпически рассказываютъ, что сдѣлала эта активная «лошадь, допущенная въ Сенатъ».

Во время первомайскихъ торжествъ около пяти-сотъ дѣтишекъ, предводительствуемыхъ новой лошадью Каллигулы — все это, кромѣ лошади, оборванное, голодное, истощенное — отправились на прогулку въ авіаціонный паркъ.

Разъ всѣ обыкновенные паркы для прогулокъ вырублены — ясно: лошадь должна вести своихъ маленькихъ плѣнниковъ въ авіаціонный паркъ.

Когда будутъ разобраны на дрова всѣ обыкновенные театры — Лошадь отведетъ свое маленькое умирающее войско въ анатомическій театръ.

Въ паркѣ погуляли, подыпали бензиновымъ воздухомъ, потомъ Лошадь выстроила свою бо-соногую команду и спросила:

— Хотите ли вы, дѣтки, конфектъ?

Только тихій стонъ пронесся по рядамъ.

— Ну, вотъ. Если хотите, то становитесь на колѣнки и просите у вашего Бога конфектъ.

Бѣдныя запуганныя, затруканныя дѣти опустили на колѣни и завопили въ небо:

— Боженька, дай намъ конфектъ!

Лошадь сдѣлала пятиминутную паузу и потомъ, хитро усмѣхаясь, проржала:

— Вотъ видите — какой же это Боженька, который не исполняетъ вашей просьбы... Это все одинъ обманъ. А теперь станьте на колѣни и скажите: «Третій интернаціональ, дай намъ конфектъ!».

Петербургскіе дѣтишки теперь такой народъ, что если ты ихъ заставишь просить конфектъ у бурой свиньи гоголевскаго Ивана Никифоровича — они и тутъ покорно станутъ на колѣни.

Опустились дѣтки на колѣни и, простирая руки, завопили въ небо:

— Третій интернаціональ! Дай намъ конфектокъ!

И что же? О чудо! Сейчасъ же неподалеку поднялся аэропланъ, закружился надъ дѣтишками и сталъ осыпать ихъ плоскими паточными леденцами. Дѣти боролись, возились и дрались на грязной землѣ, чтобы больше захватить драгоцѣннаго лакомства, а Лошадь изъ Сената стояла тутъ же и, довольная, радостно ржала.

А еще вотъ для Лошади хорошій рецептъ: взять голоднаго ребенка и съ помощью хорошей

розги выдрессировать для слѣдующей штуки: положивъ на носъ кусочекъ бѣлой булки, сказать:

— Во имя Божіе — ѣшь!

Выдрессированный ребенокъ стоитъ, какъ каменный, и смотритъ на васъ собачьими глазами.

— Во имя справедливости и милосердія — ѣшь!

Стоитъ ребенокъ какъ каменный.

— Во имя Третьяго Интернаціонала — пиль!

Кусочекъ булки моментально взлетаетъ и черезъ секунду хруститъ на голодныхъ зубахъ.

Вотъ настоящая забава — даже не для самого Каллигулы, а для его Лошади... Каллигула просто зарѣжетъ ребенка, но не станетъ надъ нимъ измываться.

★

Интересно, когда Лошадь послѣ праздника вернулась въ свою роскошную конюшню — пришла ли ей хоть на секунду въ убогую лошадиную голову такая мысль:

— Мы издѣваемся надъ именемъ Божіимъ и топчемъ Его въ грязь. А Онъ насъ не наказываетъ — значитъ, Его нѣтъ.

И если она это подумала, то наружно въ этотъ моментъ ничего не случилось, громъ не загремѣлъ, молнія не засверкала и потолокъ не расплющилъ Лошади.

Но гдѣ-то въ безпредѣльной высотѣ и глубинѣ взметнулся невидимый жесткій и сухой бичъ и хлестнулъ поперекъ всея Россіи...

Земля потрескалась, злаки приникли къ раскаленной почвѣ и двадцать милліоновъ народа — того народа, который допустилъ среди себя хулу и униженія Бога — поползли съ родныхъ мѣстъ невѣдомо куда, устилая трупами сухой проклятыи путь свой...

МАДАМЪ ТРОЦКАЯ.

Шапка Мономаха.

Сегодня мадамъ Троцкая никого не принимаетъ. У нея съ утра мигрень, кислое настроеніе, и даже ея постоянные посѣтители, два Аякса — Клембовскій и Гутортъ, просидѣвши въ передней сорокъ минутъ — уѣхали, не повидавъ своей повелительницы.

Только когда доложили о приходѣ ея любимца — генерала Парскаго — мадамъ Троцкая немного оживилась и приказала просить.

— Ахъ, мой генераль, — протянула она, капризно выпятивъ губки, — у меня сегодня такое настроеніе, что впору самой къ стѣнкѣ стать.

— А что такое? — озабоченно спросилъ Парскій, склонясь къ протянутой ручкѣ.

— Скучно. Мнѣ чего-то хочется, а чего — и сама не знаю. Знаете что, генераль. Я хочу, чтобы вы устроили мнѣ дворъ.

— А что? Опять грязь развели каналы? Сегодня же прикажу вымести и убрать пустые ящики.

— Какой вы смѣшной, монъ генераль. Я вамъ не о такомъ дворѣ говорю, который изъ окна виденъ, а о настоящемъ придворномъ дворѣ. У насъ при дворѣ нѣтъ настоящаго блеска, настоящаго изящества, а Левъ хоть коль на головѣ теши — никакого вниманія. Я пробовала сама что-нибудь сдѣлать — ничего не выходитъ.

— Да, это трудно, — призадумавшись, отвѣчала Парскій.

— Еще бы. Вы знаете, я основала благотворительное общество Краснаго Креста и попросила назначить себя почетной предсѣдательницей и покровительницей — а что вышло? На первомъ же торжественномъ засѣданіи секретарь общества стащилъ у меня соболей палантинъ и вымѣнялъ на полъ пуда сахару.

— Неужели только полъ пуда дали? — оживился Парскій.

— Ахъ, монъ генераль, вы совсѣмъ не тѣмъ интересуетесь, чѣмъ надо. Полъ пуда или пудъ — сэтъ эгаль. Пришло мнѣ позавчера въ голову — имѣть своего придворнаго поэта — помните, какъ Мольеръ былъ. Я и позвала Маяковскаго. Посидѣлъ полчаса, выпилъ полторы бутылки коньяку, набилъ всѣ карманы печенъемъ, обкусалъ ногти, плюнулъ три раза на коверъ и ушелъ, даже не попрощавшись. Неужели и Пушкинъ и Лермонтовъ были такіе? Генераль, устройте мнѣ дворъ!

Понимаете, это очень сложная вещь. Нужно, чтобы было много блестящей молодежи... У Васъ есть родственники?

— Конечно, есть. И въ Житомирѣ есть, и въ Елисаветградѣ. Одинъ племянникъ, Сеня — онъ на станціи Одесса-Товарная съ хлѣбомъ работаетъ — на дняхъ заявляется ко мнѣ и проситъ: «Тетя, — говоритъ, — вы теперь совсѣмъ, какъ королева — сдѣлайте меня виконтомъ». — «Сеня, — говорю я ему, — какой изъ тебя можетъ быть виконтъ, когда ты каучуковые воротнички носишь и у тебя всегда подъ носомъ красно». — «Тетя, — говоритъ, — когда буду виконтомъ, вмѣсто лилолевыхъ воротничковъ надѣну жабо, а что касается краснаго, такъ вы же сами знаете, что у меня хроническій насморкъ».

— Да, — задумчиво покачалъ головой Парскій. — Этотъ, пожалуй, на роль петиметра не подойдетъ.

— Ну, развѣ же это не обидно? Теперь, когда мой Левочка разговариваетъ съ державами Согласія, заложивъ ногу-на-погу, а руки въ карманахъ — такъ для этого же нуженъ пышный блескъ. А гдѣ онъ? Нужна придворная жизнь, а гдѣ она? Мадамъ Каменева совѣтовала мнѣ: — «Фаничка, — говоритъ она, — Фаничка! Набери себѣ побольше фрейлинъ и чтобы онѣ присутствовали при твоёмъ ложеніи и вставаніи».

Это легко сказать — набери. А какъ я съ ними должна обращаться — я и не знаю. Могу

и послать ее сбѣгать въ Продкомъ за сотней папирсъ, или для этого пажъ долженъ быть? Должна я съ ними здороваться за ручку или онѣ мнѣ должны цѣловать ручку? Прямо таки, цѣлмый рядъ тяжелыхъ неразрѣшимыхъ вопросовъ. Генераль, устройте мнѣ дворъ.

— А вы хотѣли бы, приблизительно, въ стилѣ какой эпохи?

— Что бы вы сказали про Наполеоновскій? Пышный дворъ, всѣ маршалы изъ солдатъ, Лева ходить одѣтый въ лососиновые штаны, а у меня талія высоко-высоко, совсѣмъ подъ груди. Мадамъ Каменева говорила мнѣ: «Фаничка, вамъ это замѣчательно пойдетъ».

— А, можетъ быть, Вамъ больше улыбается Екатерининская эпоха? — тономъ моднаго портного, предлагающаго ходкій фасончикъ, сказалъ Парскій.

— Это тоже ничего себѣ эпоха. Фижмы, парики, графъ Зубовъ. И мнѣ нравится, что Екатерина переписывалась съ Дидро и Вольтеромъ. Я тоже, знаете, попробовала написать Анатолю Франсу, да отвѣта не получила. Или марку забыла наклеить или тогда почта была лучше, чѣмъ теперь. А Луначарскій даже обѣщаль, что Пролеткультъ издастъ мою переписку съ Апалемъ Франсомъ. Послушайте. А что вы скажете о дворѣ Людовиковъ?

— Хорошіе были дворы, — похвалилъ Парскій.

— И знаете, вы были бы моими тремя мушкетерами: вы, Гуторъ и Клембовскій.

— А знаете, вы, дѣйствительно, напоминаете лицомъ Анну Австрійскую.

— Серьезно? Мерси. Ахъ, герцогъ Букотамъ, ахъ, бриллиантовые наконечники! А Держинскій былъ бы кардиналомъ Ришелье... Да... Только вѣдь Людовики плохо кончили. Я не хотѣла бы для Леры такой карьеры.

— А не хотите Людовиковъ — возьмите эпоху Цезарей. Вотъ была красота, вотъ блескъ! Устройте циркъ на сто тысячъ человѣкъ и скажите Держинскому, чтобы онъ, вмѣсто своего дурацкаго «къ стѣнкѣ», выпускалъ на саботажниковъ дикихъ звѣрей. Жестоко, но красиво.

— А гдѣ же Держинскій дикихъ звѣрей достанетъ? Гамбургскій Гагенбекъ на товарообмѣнъ не пойдетъ.

— А въ Зоологическомъ?

— Ну, дѣйствительно. Всѣ хищные давно передохли. Остались одни филины, да павлины. Такъ если этихъ звѣрей выпустить на голодныхъ буржуевъ, такъ не звѣри ихъ съѣдятъ, а они звѣрей слопаютъ. И потомъ эпоха Цезарей не для нашего климата...

— А, кстати, о климатѣ. Вы мнѣ прошлый разъ обѣщали дать записочку на два пуда дровъ.

— Да вѣдь вы въ прошломъ мѣсяцѣ уже получили.

— Не понимаю, чего вы жметесь, ваше королевское величество. Ваши предки раздавали придворнымъ, поддерживавшимъ ихъ престолъ, цѣлые города, помѣстья и лѣса, а изъ васъ дюжину полѣнцевъ нельзя вытянуть. . . . Пишите записку!

— Ахъ, мой генераль! Недаромъ намъ, правящимъ сферамъ, приходится часто восклицать: «какъ тяжела ты, шапка Мономаха!». Довольно съ Васъ будетъ и пудика.

ФЕЛИКСЪ ДЗЕРЖИНСКІЙ.

Кобра въ травѣ.

Знаменитый Совѣтскій чекистъ и па-
лачь Феликсъ Дзержинскій, по словамъ
газетъ, очень любитъ дѣтей. Онъ часто
навѣщаетъ дѣтишекъ въ одномъ изъ
пріютовъ, находящихся въ его вѣдѣніи,
и всегда нянчится съ малютками.

Въ дѣтскомъ пріютѣ — ликованіе:

— Дядя пріѣхалъ! Дядя Феликсъ пріѣхалъ!!

— Тише, дѣтки, не висните такъ на мнѣ.
Вишь, ты, пузырь, чуть кобуру не порвалъ.
Здравствуйте, товарищъ надзирательница. Ну,
какъ поживаютъ мои сиротки?

— Какъ, сиротки? Что вы, товарищъ Дзержин-
скій! У нихъ у всѣхъ есть отцы и матери.

— Хе-хе. Были-съ. Были да сплыли. Этого
бѣленькаго какъ фамилія?

— Зайцевъ.

— Ага, помню. Это совсѣмъ свѣженькій си-
ротка. Съ позавчерашняго дня. Впрочемъ, па-
почка его держалъ себя молодцомъ. Не мор-
гнулъ папочка. Какъ его зовутъ? Кажется, Во-
лодя? Володя! Хочешь ко мнѣ на колѣнку?

Покатаю, какъ на лошади. Вотъ такъ. Ну, цѣлуй дядю. А это что за дичекъ? Почему волченкомъ смотришь?

— Это Чубуковыхъ сынишка. Все къ мамѣ просится.

— Это какіе Чубуковы?.. Ахъ, помню! Она какія-то заговорщицкія письма хранила. Препикантная женщина! И съ огонькомъ... Мой помощникъ хотѣлъ за ней во время допроса приволокнуться, такъ она, представьте, полураздѣтая — прыгъ въ окно, да внизъ. Вдребезги! Передайте отъ меня сынишкѣ шоколадку. Ну, а ты, карапузъ? Какъ твоя фамилія?

— Федя Салазкинъ.

— А, Салазкинъ! Твой папа, кажется, профессоромъ?

— Н... не знаю. Его зовутъ Анатолій Львовичъ.

— Во-во. Въ самую точку попалъ. Бойкій мальчуганъ и, кажется, единственный — не сиротка. Ты по воскресеньямъ-то дома бываешь?

— Бываю.

— А папа письма какія-нибудь получаетъ?

— Получаетъ.

— Что за прелестный ребенокъ! Такъ вотъ, Федя, когда папочка получить письмецо — ты его потихоньку въ кармашекъ засунь, да мнѣ его сюда и предоставь. А я ужъ тебѣ за это, какъ полагается: и тянучка, и яблоко, румянейшее такое, какъ твои щечки. Только мамочкѣ не проболтайся насчетъ письмеца, ладно? Ну, пойдди, попрыгай!.. А ты, дѣвочка, чего плачешь?

— Папу жалко.

— Э-э... Это уже и не хорошо: плакать.
Чего жь тебѣ папу жалко?

— Его въ Че-ка взяли.

— Экіе нехорошіе дяди. За что же его взяли?

— Будто онъ планъ сдѣлалъ. А это и не онъ вовсе. Къ намъ приходилъ такой офицерикъ и онъ съ папочкой...

— Постой, постой, пузырь. Какой офицерикъ? Ты садись ко мнѣ на колѣни и расскажи толкомъ. Какъ фамилія-то офицерика?..

— Какая у тебя красивая цѣпочка. А часики есть?

— Есть.

— Дай послушать, какъ тикають.

— Ну, на. Ты слушай часики, а я тебя буду слушать.

— Постой, дядя Феликсъ! Ты, знаешь, у тебя точно такіе часы, какъ у папы. Даже вензель такой же... и буквочки. Послушай! Да это папины часы.

— Пребойкая дѣвченка — сразу узнала! Твой папочка мнѣ подарилъ.

— Значить, онъ тебя любить?..

— Еще какъ! Руки дѣловаль. Ну, такъ кто же этотъ офицерикъ?

★

Уходя, дядя Феликсъ разнѣженно говорилъ:

— Что за прелестныя дѣти, эти сиротки! Только съ ними и отдохнешь душой отъ житейской прозы...

ПЕТЕРСЪ.

Человѣкъ, который убилъ.

Есть такія классическія фразы, которыя будутъ живы и свѣжи и черезъ 200, и черезъ 500, и черезъ 800 лѣтъ.

Напримѣръ:

— Побѣжденнымъ народамъ нужно оставить только одни глаза, чтобы они могли плакать, — сказалъ Бисмаркъ.

— Государство — это я! — воскликнулъ Людовикъ XIV.

— Парижъ стоитъ мессы, — разсудилъ Генрихъ IV, мѣняя одно вѣрованіе на другое.

Впрочемъ, этотъ король показалъ себя съ самой выгодной стороны другимъ своимъ альтруистическимъ изрѣченіемъ:

— Я хотѣлъ бы въ супѣ cadaго изъ моихъ крестьянъ видѣть курицу!

Мы не знаемъ, что хотѣли бы видѣть въ супѣ cadaго изъ своихъ крестьянъ Ленинъ и Троцкій, но знаменитый глава чрезвычайекъ

Петерсъ выразился на этотъ счетъ довольно ясно и точно, и изрѣченіе его мы считаемъ не менѣе замѣчательнымъ, чѣмъ Генриховское.

Именно, по сообщеніямъ газеты, когда къ нему, какъ къ главѣ города, явились представители ростовскихъ на-Дону трудящихся и заявили, что рабочіе голодаютъ — Петерсъ сказалъ:

— Это вы называете голодомъ?! Развѣ это голодъ, когда ваши ростовскія помойныя ямы биткомъ набиты разными отбросами и остатками?! Вотъ въ Москвѣ, гдѣ помойныя ямы совершенно пусты и чисты — будто вылизаны — вотъ тамъ голодъ!

Итакъ, ростовскіе рабочіе могутъ воскликнуть, какъ запорожскіе казаки:

— Есть еще порохъ въ пороховницахъ! Есть еще полныя помойныя ямы — эти продовольственные склады Совѣтской власти!

Почему-то фраза Петерса промелькнула въ газетахъ совершенно незамѣтно: никто не оставилъ на ней пристального вниманія.

Это несправедливо! Такія изрѣченія не должны забываться...

Моя бы власть — да я бы всюду выпустилъ огромныя афиши съ этимъ изрѣченіемъ, висѣкъ бы его на мраморныхъ плитахъ, впечаталъ бы его въ видѣ отдѣльнаго листа во всѣ дѣтскіе учебники, мои глашатаи громко звѣщали бы его на всѣхъ площадяхъ и перекресткахъ:

— Пска въ городѣ помойныя ямы полны — почему рабочіе говорятъ о голодѣ?..

*

Интересно, осматривалъ ли Г. Д. Уэлльсъ во время своего пребыванія въ Москвѣ — въ числѣ прочихъ чудесъ совѣтской власти — также и помойныя ямы?

Если осматривалъ, то, навѣрное, пришелъ въ восхищеніе:

— Вотъ это санитарія! Вотъ это чистота! Да на днѣ этой помойной ямы можно фоксъ-тротъ танцовать, будто на паркетѣ.

— А у насъ, въ Англіи, въ помойныхъ ямахъ дѣлается чортъ знаетъ что: огрызки хлѣба, куски рыбы, окурки сигаръ, птичьи потроха, высохшіе сандвичи, корки сыру! Нѣтъ, совѣтская власть имѣетъ большое, великое будущее, если даже въ грязной, неряшливой Москвѣ она ввела такую идеальную чистоту!

*

Интересно мнѣ также, какъ тов. Петерсъ будетъ организовывать продовольственную помощь изъ помойныхъ ямъ? Выдачу пайками? Но вѣдь пайки бываютъ трехъ или четырехъ категорій.

Очевидно, въ первую голову будутъ допущены къ пышному фрыштику рабочіе коммунисты — первая категория. Когда они снимутъ самыя сливки — селедочныя головки и колбасную ко-

журу — робко подойдет вторая категория, просто рабоче. Выберутъ картофельную шелуху и мостолыгу лошадиной ноги, а все остальное пусть дождаетъ третья категория — буржуи и саботажники.

★

Если бы я былъ не писателемъ, а тюремщиномъ, и если бы Петерсъ попалъ ко мнѣ въ тюрьму, я устроилъ бы ему роскошную жизнь! Я кормилъ бы его до отвала. Я бы каждый день закатывалъ ему обѣды изъ семи блюдъ, со сладкимъ.

Онъ бы у меня не голодалъ, ибо онъ самъ замѣчательно выразился:

— Пока существуютъ помойныя ямы — голода не можетъ быть!

Меню бы у Петерса было такое:

Закуска:

Икра изъ ваксы, жестяпка отъ анчоусовъ, личная скорлупа, фаршированная зубочистками обернуарь.

Супъ:

Консоме изъ мыльной воды а-ля Савонъ съ окурками, пирожки изъ папиросныхъ коробокъ съ пепельнымъ фаршемъ...

Рыба:

Селедочный позвоночный столбъ съ грибами, которые на стѣнкахъ.

Мясо :

Фрикассе Ра-Моръ, жареное на шкарѣ въ мышеловкѣ.

Зелень :

Все, что уже позеленѣло. Приготовлено а-ля масседуанъ.

Птица :

Перо отъ старой дамской шляпы, соусъ сюпремъ.

Сладкое :

Шоколадныя обертки, яблочная кожура, кофейная гуща.

★

Я не думаю, чтобы Петерсъ имѣлъ право отказаться отъ такого обѣда.

Потому что, если даже такіе великіе люди, какъ Наполеонъ, Суворовъ и Петръ Великій, честно ѣли пищу изъ общаго котла, то какое имѣютъ право отказаться отъ общаго котла наши циммервальдскіе Наполеоны, устроившіе изъ всей Великой Россіи одинъ общій котель :

Помойную яму.

МАКСИМЪ ГОРЬКІИ.

Хлѣбъ въ выгребной ямѣ.

У Максима Горькаго есть одинъ рассказъ, который заканчивается такъ:

— Море смѣялось.

Ахъ, многоуважаемый, талантливый Алексѣй Максимычъ! Что тамъ море! Недавно вы сдѣлали нѣчто такое, отъ чего не только море — сухая потрескавшаяся русская земля могла разсмѣяться до истерики, деревья въ лѣсу, нагибаясь къ землѣ и держась вѣтками за стволъ, скрипѣли отъ душившаго ихъ смѣха, мелкіе рыбешки въ рѣкѣ вздулись, полопались и поиздыхали отъ хохота...

Ахъ, какъ вы можете разсмѣшить, Алексѣй Максимычъ!..

Если рассказать вульгарной прозой то, что сдѣлалъ знаменитый пролетарскій «буревѣстникъ» — такъ вотъ какъ оно звучитъ:

Безъ малаго четыре года буревѣстникъ, «ломая крылья, теряя перья» отъ усердія — безъ малаго четыре года славословилъ буревѣстникъ совѣтскую власть.

Державинскія хвалебныя оды казались щенками передъ тѣмъ огромнымъ распухшимъ слономъ, коего создалъ Максимъ Горькій, написавъ ликующую, восторженную оду Ленину...

Въ той компаниі привычныхъ каторжниковъ и перманентныхъ убійцъ, которые правятъ Россіей, Максимъ Горькій былъ своимъ, хорошо принятымъ человѣчкомъ:

И въ почетному углу
Было мѣсто ему...

Правда, онъ былъ только зрителемъ этого нескочпаемаго театра грабежей и убійствъ, но сидѣлъ онъ всегда въ первомъ ряду по почетному билету и при всякомъ курбетѣ лицедѣевъ — онъ первый восторженно хлопалъ въ ладошки и оглашалъ спертый «чрезвычайный» воздухъ мягкимъ пролетарскимъ баскомъ:

— Bravo, bravo! Оч-чень мило. Я всей душой съ вами, товарищи!

Онъ милостиво и снисходительно улыбался, когда его пылкіе друзья половину интеллигенціи, людей искусства и науки — выгнали за границу, четверть — оштомъ поставили къ стѣнкѣ, а оставшуюся четверть, какъ кроликовъ, приготовленныхъ для вивисекціи, заперли въ душные вонючія клѣтки, приставили къ нимъ сторожемъ и «хранителемъ этого кроличьяго музея» бывшего директора кафешантана Адольфа Родэ — все это Горькій глоталъ — даже не какъ горькую пилюлю, а по-

добно — да простятъ мнѣ это сравненіе — подобно той коробочкиной свиньѣ въ «Мертвыкъ душахъ», которая мимоходомъ съѣла цыпленка и сама этого не замѣтила.

И вотъ, когда несчастные ученые кролики, доведенные до этого положенія на одну десятую, сотую, тысячную тѣмъ же Горькимъ, стали умирать отъ безкормицы, Горькій растрогался, сердце его умягчилось и пошелъ онъ къ финнамъ:

— Вотъ что, братцы... Тамъ у насъ въ питомникѣ ученые содержатся, такъ того-этого... Мрутъ шибко! Не будетъ ли способія какого? Пожевать бы имъ чего, или изъ бѣльишка старенькаго, или тамъ сапожишекъ. Подайте, Христа ради, знаменитымъ русскимъ ученымъ и писателямъ!..

Растрогались сумрачные финны:

— Извольте, — говорятъ. — Мы вамъ дадимъ кой-чего для ученыхъ, но такъ какъ все ваше начальство — воры и могутъ украсть для себя, то мы все собранное повеземъ сами.

Привезли въ Домъ ученыхъ и писателей и стали дѣлать:

— Александръ Пушкинъ! Вамъ полусапожки и двѣ банки сгущеннаго молока! Иванъ Тургеневъ! Получайте исподнее, фунтикъ сахара и четверку чаю. Выпейте за здоровье богатой и могучей Финляндіи! Менделѣевъ! Свиного сала фунтъ, банка какао и пиджачная тройка — совсѣмъ почти еще крѣпенькая!

Получили Пушкины, Лермонтовы, Менделѣвы и Пироговы по сверточку, какъ дворницкія дѣти на богатой елкѣ, и, сіяющіе отъ счастья, снова расползлись по своимъ клѣткамъ.

Зашелъ потомъ Горькій — тоже сіяющій, — собралъ всю обшарпанную компанію Гоголей, Островскихъ и Лесгафтовъ и гаркнулъ:

— Ну, что ребята! Довольны тѣмъ, что я вамъ схлопоталъ?

— Много довольны, ваше пролетарское величество! — гаркнули въ отвѣтъ полумертвые отъ голода ребята, прижимая къ груди драгоценные сверточки.

— То-то и оно. Вы ужъ старайтесь, а я васъ не забуду. Молочка тамъ или фуфайку какую изъ сосновой шерсти — всегда устрою.

— Благодаримъ покорнѣйше.

— А впрочемъ, что мнѣ изъ вашей благодарности — шубу шить, что ли? Вы бы мнѣ такой аттестатикъ выдали, адресокъ, гдѣ описали бы, что такъ, молъ, и такъ, чувствительно благодарны и не забудемъ по гробъ жизни. А я его въ рамочку да на стѣнку — пусть себѣ висить; вамъ написать — разъ плюнуть, а мнѣ пріятно.

И вотъ тогда-то и появилась эта потрясающая «благодарность Максиму Горькому отъ имени писателей и ученыхъ».

Писали, очевидно, голодные ученые эту благодарность, глотали соленныя слезы, а сами думали:

— Чортъ съ нимъ, напишемъ пожалостпѣе!.. Все-таки, съ Ленинымъ за ручку здороваются и съ Троцкимъ на ты. Поблагодаримъ — а онъ, можетъ, опить по полфунтика колбасы выдастъ да по связкѣ баранокъ — оно, глядишь, дня три еще протянуть и можно...

Голодь — не тетка. Написали очень хлестко.

— Зарубежная эмигрантская Русь неправильно но оцѣниваетъ благородную работу Горькаго. Мы стоимъ ближе къ дѣлу и свидѣтельствуемъ...

Бѣдные вы, бѣдные... Свидѣствуете! А свободно ли вы свидѣствуете, знаменитые ученые кролики, запертые въ вонючую клѣтку на предметъ вивисекціи?

И когда писали вы — не звучала ли въ вашихъ устахъ знаменитая фраза Сквозника-Дмухановскаго:

— А если пріѣдетъ ревизоръ, да будетъ спрашивать — всѣмъ ли довольны, то чтобъ отвѣчали «всѣмъ довольны»... А то я другому недовольному такое неудовольствіе покажу, что...

Море смѣялось...

Море смѣется, Горькій смѣется, у Ленина, по свидѣтельству того-же Горькаго, «мелодичный дѣтскій смѣхъ» — а намъ всѣмъ отсюда, издали — плакать хочется...

ӨЕДОРЪ ШАЛЯПИНЪ.

Хамелеонъ.

Нѣкто переводилъ и объяснялъ слово «хамелеонъ» такъ:

— Хамелеонъ — это хамъ, желающій получить миллионъ.

Не совсѣмъ грамотно.

Но, въ общемъ, вѣрно.

• ★

Одесскія газеты сообщали:

«Во время исполненія въ Маринскомъ театрѣ оперы «Евгеній Онѣгинъ» Ө. Шаляпинъ, пѣвшій Гремина, сорвалъ съ себя офицерскіе погоны и бросилъ ихъ въ оркестръ — въ знакъ протеста противъ наступленія бѣлогвардейцевъ на Петербургъ».

★

Вотъ маленькая исторія, которая заставила меня призадуматься.

Ибо, какъ сказалъ Шекспиръ, «въ этомъ безуміи есть нѣчто методическое».

До сихъ поръ всё такіе зигзаги Шаляпина объясняли просто его повышенной артистической нервною, вліяніемъ момента, грандіознымъ подъемомъ и невѣроятнымъ напряженіемъ нервовъ на одну минуту. «Сдѣлалъ, молъ, но сдѣлалъ, какъ въ бреду, самъ еще за пять минутъ до этого не зная, что сдѣлаетъ»...

Такъ было объяснено неожиданное пѣніе *Е. Шаляпинымъ* революціонной «Дубицушки» въ 1905 году.

Такъ было объяснено неожиданное колѣно-преклоненіе на сценѣ *Маринскаго* театра передъ государемъ въ 1909 году.

Такъ будетъ, вѣроятно, объяснено и срываніе погонь со своего офицерскаго мундира.

Нѣтъ, позвольте! Случай съ погонами — и именно случай съ погонами — наводитъ на самыя категорическія подозрѣнія: не были ли всё три поступка поступками, строго обдуманнми и заранѣе тщательно выношенными, не были ли всё три поступка «экспромтами, приготовленными за недѣлю»?..

Вотъ мои соображенія:

Многіе, вѣроятно, знаютъ, что когда происходитъ тяжелая процедура разжалованія офицера, то ея казовую, самую эффектную сторону готовятъ заранѣе: гдѣ-нибудь въ уголку подпарываютъ погоны и подпиливаютъ посрединѣ шпагу...

Попятно, для чего это дѣлается: карающая

власть, прочтя приговоръ, должна быстро и эффектно сорвать съ виновнаго погопы и бросить ихъ на полъ; должна вынуть изъ ноженъ шпагу и, ударивъ ею слегка о колѣно, далеко отбросить обѣ половинки въ разныя стороны...

Предварительныя приготовленія дѣлаются именно для того, чтобы не было смѣшного циркового, фарсоваго трюка, когда удѣвился человекъ за крѣпко пришитые погоны — тянеть-потянетъ — оторвать не можетъ. Нельзя же таскать за собою человека за погонь, минутъ пять шхтя и надсаживаясь, нельзя же возиться со шпагой десять минутъ, обливаясь потомъ, колотя ею о распухшее отъ усилій колѣно, наступая на нее ногой и приглашая для завершения усилій двухъ помощниковъ изъ публики.

Шаляпиннѣ слишкомъ хорошия, учитывающій все эффекты, все театральныя условности, все красивыя мѣста — актеръ: Шаляпиннѣ очень хорошо знаетъ, что театральныя портоной, создавая мундиръ, создаетъ его на десятки лѣтъ, и поэтому все части пригнаны очень крѣпко; портной, въ свою очередь знаетъ, что мундиру князя Гремипа никогда не будетъ предстоять операція срыванія погоны; поэтому погоны пришиты на десятки лѣтъ, на совесть!

И поэтому я утверждаю, что эффектная операція срыванія Шаляпиннымъ погоны не была экспромптна, не была слѣдствіемъ бурно налетѣвшаго экста-переживанія...

Шаляпиннѣ никогда бы себѣ не позволить на

спенѣ некрасиваго пыхтѣнія и возни съ неподатливыми погонами.

Нѣтъ! Въ этомъ безуміи было что-то методическое:

— Гаврила! — сказалъ за день до спектакля знаменитый басъ своему портному. — Гаврила! Подпори на мнѣ погону въ мундирѣ Гремина!..

— Да зачѣмъ это вамъ, Федоръ Иванычъ?

— Не твое дѣло, братецъ! Тутъ, братъ, всякая политика, а ты — гнида! Сдѣлай такъ, чтобъ на честномъ словѣ держались.

★

Но тогда — позвольте! Тогда и экспромптная исторія съ «Дубинушкой» подмочена; тогда и казусъ съ колѣвнопреклоненіемъ очень мнѣ подозрителенъ: да точно ли это бурные, неожиданные, сразу налетѣвшіе шквалы?!

Не было ли такъ:

1905 годъ. Кабинетъ жандармскаго полковника...

Курьеръ докладываетъ:

— Господинъ Шаляпинъ хотятъ видѣть!

— А-а... Преси, преси!.. Какому счастливому событію обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ, Федоръ Иванычъ?..

— Да такъ... зашелъ просто поболтать, — сочнымъ басомъ отвѣчаетъ знаменитый пѣвецъ. — Ну, что, революціей все занимаетесь, криволю ловите, хе-хе-хе.

— Да, хе-хе-хе! Приходится.
— Дѣло хороше. Небось, все молодежь, все горячія головы?..
— Да... большей частью.
— Небось, все «Дубинушка» поютъ?
— Бываетъ.
— Что-жъ вы имъ за эту «дубинушку»? Небось, въ каталажку?
— Ну, что вы! «Дубинушка» — дѣло у насъ певинное... Ну, сдѣлаешь замѣчаніе, ну, поставишь на видъ...

— Только-то? Ну, я пойду. Не буди мѣшать.
И въ тотъ же день Шалапинъ бодро, грозно, эффектно, съ большимъ революціоннымъ подъемомъ спѣлъ «Дубинушку».

А окружающіе объясняли: такая минута подошла, когда даже камни вопіютъ.

★

А въ лѣто 1909 года позвалъ однажды Шалапинъ своего портного, вѣроятно, того же самого Гаврилу, и сказалъ ему:

— Завтра къ спектаклю нашей мнѣ на колѣнки штановъ, которые будутъ на мнѣ, нашей изнутри по ватной подушечкѣ. Такъ, чтобы на самыя колѣнки приходилось!..

— Да вѣдь некрасиво, Федоръ Ивановичъ... Выпучиваться будетъ.

— А ты не разсуждай. Политика, братъ, дѣло высокое, а ты — кто? Смердь. Илоть.

★

Такое мое мнѣніе, что когда Юденичъ войдетъ въ Петроградъ, въ первомъ ряду восторженнаго населенія будетъ стоять Шалапинъ и, сверкая чудесными очами, запоетъ сочнымъ басомъ «Трехцвѣтный флагъ» Мирона Якобсона.

— Вотъ тебѣ и Шалапинъ, — благоговѣнно скажутъ въ толпѣ. — Не выдержало русское сердце — заплѣлъ экспромптомъ что-то очень хорошее!

А экспромптъ этотъ былъ задуманъ въ тотъ самый день, когда Гаврила погоны подпарывалъ: Гаврила погоны подпарывалъ, а Исайка въ этотъ самый моментъ по порученію своего патрона тихо пробирался черезъ границу въ зону расположенія Добровольческой армии — за свѣженькимъ экземпляромъ «Трехцвѣтнаго флага».

*

Ахъ, широка, до чрезвычайности широка и разнообразна русская душа!

Многое можетъ вмѣстить въ себя эта широкая русская душа...

И напоминаетъ она мнѣ знаменитую «Плюшкинскую кучу». У Гоголя.

Помните? «Что именно находилось въ кучкѣ — рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высывались оттуда отломлен-

ный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога»...

Такъ и тутъ: все свалено въ самомъ причудливомъ соприкосновеніи: царская жалованная табакерка съ вензелемъ и короной, красная тряпка залитая кровью загрязненнаго флага, грамота на званіе «солиста его величества», ноты «Интернаціонала» — и тутъ же замѣтно высывается краешекъ якобсоновскаго «Трехцвѣтнаго флага».

Мала куча — крыши вѣту!

МАРТОВЪ И АБРАМОВИЧЪ.

Сказка про благо бычка.

Существуютъ на свѣтѣ два молодыхъ чело-
вѣка — прекрасныхъ, какъ майское утро, и
обаятельныхъ, какъ принцы изъ волшебной
сказки...

Это — Мартовъ и Абрамовичъ.

Они — эдеки.

Они издають газету «Социалистический Ве-
стник».

И вѣселя слухи, что эту газету даже кто-то
читаетъ. Лѣтомъ ея тиражъ больше, зимой
меньше. Лѣтомъ, какъ извѣстно, разводятся
мухи — это въ бичъ населенія.

И вотъ, если разложить на столѣ «Социалисти-
ческий Вестникъ», онъ черезъ часъ почернѣетъ
отъ дохлыхъ мухъ.

Очень полезно.

Если же подойти къ этой газетѣ, какъ къ
материалу для чтенія, то у читателя получается
ощущеніе, какое, вѣроятно, бываетъ у голодной
собаки, когда озорный мальчишка даетъ ей про-

глотить кусок сала, привязанный къ крѣпкой бичевкѣ, и потомъ начнетъ подергивать за другой копецъ бичевки.

Я полагаю, что собака въ этомъ случаѣ питаетъ страстное желаніе вывернуться паизнанку, только чтобы избавиться отъ навязаннаго ей ощущенія.

Тѣ же эмоціи испытываетъ и читатель, рѣшившій проглотить однимъ духомъ соблазнительное изданіе Радика и Дудика — Мартова и Абрамовича.

Однажды я прочелъ въ этой газетѣ энергичный и трогательный протестъ противъ разстрѣловъ, практикующихся Совѣтской властью.

Мартовъ и Абрамовичъ категорически утверждали, что разстрѣлъ эсдековъ—возмутительный произволь, и что эсдековъ большевики разстрѣливать не имѣютъ права.

О не-соціалистахъ ничего не было сказано: значитъ, ихъ разстрѣливать можно.

Протестовали и правые эсь-эры противъ разстрѣловъ правыхъ эсь-эровъ и лѣвые эсь-эры протестовали тоже противъ разстрѣла лѣвыхъ эсь-эровъ.

Вышло какъ-то такъ, что меня — не эсдека и не эсь-эра — можетъ всякая казалья разстрѣлять, и ни эсдекъ, ни эсь-эръ даже не почешется.

Такъ какъ я человекъ боеспартійный, то я собираюсь съюзить этотъ принципъ еще больше: меня зовутъ Аркадій, и я накатаю обраще-

ніе ко всему міру съ протестомъ противъ разстрѣла всѣхъ Аркадіевъ.

Разъ человекъ поситъ поэтическое имя: Аркадій — не трожь его, скотина! Разстрѣливай Геннадіевъ или Аполлинаріевъ, если ужь такъ тебѣ приспичило.

Другіе человекѣи тоже могутъ организоваться по своимъ отличительнымъ признакамъ: брюнеты напишутъ протестъ противъ разстрѣла брюнетовъ, рыжіе стануть грудью за рыжихъ, косоглазые за косоглазыхъ и привычные кретины за... впрочемъ, послѣдняго не падо. Уже сдѣлано.

*

Однако, какъ говорятъ французы — «вернемся къ нашимъ баранамъ» — къ Мартову и Абрамовичу.

Итакъ, они энергично протестуютъ: противъ разстрѣловъ эсдековъ, противъ удушенія эсдековской прессы и противъ невключенія эсдековъ въ число правящаго класса.

А представьте вы себѣ такую картину: сидятъ Мартовъ съ Абрамовичемъ у себя въ редакціи, тихо, мирно непускаютъ «Социалистическій Вестникъ» — вдругъ является депутація русскихъ мужичковъ и, повалившись въ ноги, заголосить:

— Земля наша очень велика и обильна, большевики вырѣзаны — прійдите княжить и волюдѣть нами!

Пражскіе эсеры позеленѣють и лопнутъ отъ зависти, что не ихъ пригласили править, но Мартову и Абрамовичу уже не до нихъ: малоли какіе бѣдные родственники корчатся по переднимъ царственнымъ домовъ.

— Наша взяла! — радостно гаркнетъ Мартовъ и тутъ же покосится на Абрамовича, подумавъ: «Эхъ, хватилъ бы тебя параличъ — можно бы тогда начать устраиваться безъ компаніоновъ!».

А Абрамовичъ крѣпко пожметъ Мартову руку и мелькнетъ въ его свѣтлой головѣ мысль:

— Эхъ, не руку бы тебѣ такъ сжать, а горло! Вѣдь, знаю, поѣду въ Москву — сейчасъ же за мной потащишься!..

Но паружно оба будутъ сѣять и, ужиная колѣнами пухлые чемоданы, пообщаютъ делегаци:

— Разъ вы передасте власть въ наши эсдекскія руки — всякій произволь и насиліе прекратится! Долой гнетъ печати, долой разстрѣлы и Че-ка!..

*

Вотъ и Москва развернула свои пышныя красеты передъ двумя новыми Рюрикомъ и Синусомъ.

Съ чего жъ мы начнемъ? — спросилъ дѣятельный Абрамовичъ. — Надо составить коалиціонное правительство!

Мартовъ поморщился:

— Значить, съ възъ-рами и кадетами?

— Съ какой радости? Что у насъ меньше-

виковъ мало, что ли? Составимъ коалиціонный кабинетъ изъ меньшевиковъ лѣвыхъ, меньшевиковъ правыхъ и меньшевиковъ такъ собѣ.

★

Пришелъ Абрамовичъ къ Мартову — лица на немъ нѣтъ:

— Вы послушайте какое хамство! Эсъ-эры ругательски изругали насъ въ своей газетѣ за то, что мы ихъ не включили въ кабинетъ! Можете представить — меня назвали бездарнымъ слизнякомъ! По моему, эту ихъ паршивую газету нужно закрыть навсегда!

— Ну, положимъ, — усмѣхнулся Мартовъ — Это недостаточный мотивъ для закрытія.

— А про васъ написали, что вы пузатый Каллигула съ темпераментомъ скопца-мѣнялы!

— Гм... да. Тогда мотивы для закрытія, пожалуй, достаточны. Заготовьте ордерокъ.

★

Снова прибѣжалъ Абрамовичъ къ Мартову — снова лица на немъ нѣтъ. Вместо лица — трагическая маска.

— Послушайте! Послѣ закрытія нами эсеровскихъ и кадетскихъ газетъ — эти каторжанки совѣмъ на стѣну полѣзли: получили свѣдѣнія, что они организуютъ заговоръ съ цѣлью насъ свергнуть.

— Кукишъ съ масломъ! — воскликнулъ, съ царственнымъ жестомъ, Мартовъ. — Намъ нужно создать особый органъ, который слѣдиль

бы за общественной безопасностью и раскрывать заговоры.

— Чрезвычайную Комиссію?

— Дубовая голова! Развѣ можемъ мы во-скрешать Че-ка, вызвать къ жизни мрачныя страницы большевизма?! Пѣтъ, нужно создать Общественную Комиссію.

— Значить Об-ка?

— Об-ка — это звучитъ спокойно и безобидно.

★

Черезъ годъ за границей встрѣтились двое русскихихъ.

— Вы какимъ образомъ изъ Россіи?

— Бѣжалъ отъ ужасовъ Об-ка.

★

Я не моралистъ, но я только хотѣлъ доказать читателямъ — что такое партійная власть.

Всякій человекъ, говорящій «А», неизбѣжно произноситъ и слѣдующую букву...

Когда разстрѣливаютъ всю Россію, а Чортъ Иванычъ протестуетъ только противъ разстрѣла Чертей Иванычей, такой человекъ у власти будетъ самымъ сугубымъ Перономъ, только безъ его умѣнья играть па цитрѣ.

Партійные люди напоминаютъ бездарныхъ съ безъличнымъ самолюбіемъ актеровъ.

А вѣдь сказано:

— Не всякій императоръ па мѣстѣ Перона былъ бы актеромъ, но всякій актеръ па императорскомъ мѣстѣ будетъ Перономъ.

КЕРЕНСКІЙ.

(Первый портретъ.)

Человѣкъ со спокойной совѣстью.

Существуетъ прекрасное русское выраженіе:
— Со стыда готовъ сквозь землю провалиться.

Такъ вотъ: я знаю господина, который долженъ былъ бы непрерывно, перманентно проваливаться со стыда сквозь землю.

Скажемъ такъ: встрѣтилъ этотъ господинъ знакомаго, взглянулъ ему знакомый въ глаза — и моментально провалился мой господинъ сквозь землю... Пронизалъ своей особой весь земной шаръ, вылетѣлъ на поверхность тамъ гдѣ-нибудь, у антиподовъ, посмотрѣлъ ему встрѣчный антиподъ въ глаза — снова провалился сквозь землю мой господинъ и, такимъ образомъ, будь у моего господина хоть какой-нибудь стыдъ — онъ бы долженъ всю свою жизнь проваливаться, пронизывая собою вещество земного шара по всѣмъ направлєніямъ...

Но вѣтъ стыда у моего господина и нигуда онъ ни разу не провалился; вмѣсто этого ни-

петь пышныя статьи, иногда говорить пышныя рѣчи, живетъ себѣ на земной корѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и со взглядами встрѣчныхъ перекрещиваетъ свои взгляды, будто его хата совершенно съ краю.

А вѣдь, вдуматься — чортъ его знаетъ, что вваливаетъ жизнь на плечи этого челоѣка:

Умеръ поэтъ Блокъ — онъ виноватъ.

Разстрѣляли чекисты 61 челоѣка — ученыхъ и писателей — онъ виноватъ.

Умерли отъ голода 2 милліона русскихъ взрослыхъ и милліонъ дѣтей — онъ виноватъ въ такой мѣрѣ, какъ если бы самъ передупилъ всѣхъ и каждаго своими руками.

Милліоны русскихъ бѣженцевъ пухнутъ отъ голода, страдаютъ отъ лишеній, отъ униженій — онъ, онъ, онъ — все это сдѣлалъ онъ.

Господи, Боже ты мой! Да доведись на меня такая огромная, нечеловѣческая страшная отвѣтственность, я отправился бы въ знаменитый Уоллостонскій паркъ, выбралъ бы самое высокое въ мѣрѣ дерево, самую длинную въ свѣтѣ веревку --- да и повѣсилъ бы на самой верхушкѣ, чтобъ весь мѣръ видѣлъ, какъ я страдаю отъ мукъ собственной совѣсти.

А мой господицъ, какъ говорятъ хохлы: и байдуже!

Навѣрно, въ тотъ моментъ, какъ я ишу, сидитъ гдѣ-нибудь въ рестораничкѣ «Золотой Праги», кушаетъ курицу котлетку съ гарниромъ и, заивая се темнымъ, пѣнистымъ пражскимъ

пивомъ, не моргнувъ глазомъ, читасть извѣстія изъ Россіи:

— До сихъ поръ голодь унесъ до трехъ милліоновъ русскихъ. Къ декабрю должны умереть около десяти милліоновъ, а къ марту, если не будетъ помощи изниѣ — перемереть вся Россія. («Общее Дѣло». Письмо изъ Петербурга.)

Котлетку кушаете?

Приятнаго вамъ аппетита, Александръ Федорычъ! Неужели, не подавитесь вашей котлеткой?

Счастливыи народъ—эти люди безъ стыда, безъ совѣсти... Невинностью дышетъ открытое лицо, ясные глаза простодушно поглядываютъ на окружающихъ, и весь видъ такъ и говоритъ:

— А что жъ я? И ничего. Велъ я себя превосходно, былъ и главнокомандующимъ и митрополитомъ, и если мнѣ еще не поставили въ Россіи памятника, то это только потому, что нѣтъ пророка въ отечествѣ своемъ...

Пока вы безмятежно кушаете котлетку, Александръ Федорычъ — позвольте мнѣ ознакомить васъ съ вашимъ формуляромъ, и если хоть одинъ прожеванный кусокъ застрянетъ въ вашемъ горлѣ, значить — есть еще Богъ въ небѣ и совѣсть на землѣ...

★

Зпасте ли вы, съ какого момента Россія пошла къ погребелю? Съ того самаго, когда вы, глава

Россіи, пріѣхали въ министерство и подали курьеру руку.

Ахъ, какъ это глупо было и, — будь вы другой человекъ — какъ бы вамъ должно быть сейчасъ мучительно стыдно! Вы тогда думали, что курьеръ такой же человекъ, какъ вы. Совершенно вѣрно: такой же. И глаза на мѣстѣ, и кровообращеніе правильное. Но руки ему подавать не слѣдовало, потому что дальше произошло вотъ что: въ первый день вы ему, курьеру, протянули руку, во второй день уже онъ съ вами поздоровался первый (дескать, свой человекъ, чего съ нимъ стѣсняться), а на третій день, когда вы сидѣли въ кабинетѣ за министерскимъ столомъ, онъ безъ зова вошелъ въ перевалку, усѣлся на край стола и, закуривъ цыгарку, хлопнулъ васъ по плечу:

— Ну, Сашка-канашка, что повестькаго?

Еще и тогда былъ неупущенный моментъ: дать ему по шеѣ, сбросить со стола и крикнуть: ты забываешься, какальи! П-шелъ вонъ!

Вы этого не сдѣлали, навѣрное, хихиканули, прикурили отъ его папироски и отвѣтили:

— Да вотъ помаленьку спасаю Россію.

Ахъ, какъ стыдно! Ну, на кой чортъ вы полѣзли со своимъ рукопожатіемъ къ курьеру? Развѣ онъ оцѣнилъ? Вообразился вамъ же на шею, гикнулъ и погналъ васъ велачь не туда, куда бы вамъ хотѣлось, а туда, гдѣ ему удобнѣе.

Не спорю, можетъ быть, персонально этотъ курьеръ — обворожительно сѣбѣтій человекъ, по

вы вѣдь не ему одному протянули руку для пожатія, а всей наглой, хамской части Россіи.

Вскочилъ на васъ хамъ, осѣдлалъ, какъ добраго скакуна, и погналъ прямо на границу — встрѣчать Лепина и Троцкаго.

Не скажете ли вы, что въ прибытіи Лепина и Троцкаго виноваты нѣмцы? Голубчикъ вы мой! Да вѣдь они воевали съ нами. Это было одно изъ средствъ войны. Такъ же они могли бы прислать и поѣздъ съ динамитомъ, съ баллонами удушливаго газа или съ сотней бѣшеныхъ собакъ.

А вы этихъ бѣшенныхъ собакъ приняли съ полковой музыкой и стали охранять такъ заботливо, какъ любящая нянька — шаловливыхъ дѣтей.

Ну, что я могу сказать нѣмцамъ? Скажу: зачѣмъ вы прислали намъ такую ошеломляющую дрянь?

А они мнѣ отвѣтятъ:

— Вольно же вамъ, дуракамъ, было принимать. Мы бы, на вашемъ мѣстѣ, тутъ же на границѣ ихъ и перевѣшали, вродѣ, какъ бываетъ атака удушливыхъ газовъ и коптръ-атака.

А вы? Обрадовались! Товарищи, молъ, пріѣхали! «Здравствуйте, я — ваша тетя! Говорите и дѣлайте, что хотите, у насъ свобода».

И еще одинъ моментъ былъ упущенъ, помните, тогда, у Кшесинской? Одна рота вѣрныхъ солдатъ — и отъ всей этой сволочи и запаху бы

не осталось. И никто не ропталъ бы — такъ бы и присохло.

А вы, вмѣсто этого, стали гонять вашего министра Переверзева на поиски новой квартиры для Ленина и Троцкаго.

Александръ Федоровичъ! Какая у васъ завидная натура... Вѣдь одно это такъ стыдно, будто васъ всепарадно на столичной площади высѣкли. А вы теперь, вмѣсто Уоллостонскаго парка, котлетку кушаете, какъ Гоголевскій высѣченный поручикъ когда-то ѣлъ пирожокъ.

Много есть людей, у которыхъ ужасное прошлое, но ни одного я не знаю, у кого бы было такое стыдное прошлое, какъ у васъ. Еще, я понимаю, если бы вы за это деньги получили, но вѣдь бесплатно!

У васъ въ рукахъ былъ такой козырь, какъ возстаніе, когда озвѣрѣвшая толпа (я самъ видѣлъ) разрывала большевиковъ на части — какъ вы ликвидировали это настроеніе? Вы, глава государства, запретили печатать документы, уличающіе Ленина и Троцкаго въ полученіи отъ нѣмцевъ денегъ! Троцкій сидитъ въ тюрьмѣ — вы его выпустили, Корниловъ хотѣлъ спасти Россію — вы его погубили. Клялись умереть съ демократіей — удрали на автомобилѣ.

«Волю Россіи» издаете? Куричныя котлетки кушаете?

Съ такимъ-то прошлымъ?

Да вѣдь только два пути и существуетъ: или самое высокое дерево Уоллостонскаго парка, или

монашескій клубукъ, вериги и полная перемѣна имени и фамиліи, чтобы въ маленькомъ монастыркѣ не пахло и духомъ того человѣка, который такъ тщательно, заботливо и аккуратно погубилъ одну шестую часть земной суши, сгноилъ съ голоду полтора ста миллионовъ хорошаго народа, того самаго, который въ мартѣ 1917 года выдалъ вамъ авансомъ огромные, прекрасные векселя.

Ловко вы обошлись съ этими векселями!..

Ну, прощайте. Приятнаго вамъ аппетита!

КЕРЕНСКІЙ.

(Второй портретъ.)

Добрый товарищъ.

Однажды мнѣ снился сонъ... А, впрочемъ, къ чему тамъ жеманничать: никакого сна мнѣ не спилось. Все было на яву, а на сонъ писатели, обыкновенно, сваливаютъ потому, что это считается щегольскимъ литературнымъ приемомъ.

Дешевый пріемъ, по моему.

Итакъ, на яву произошло вотъ что:

★

Александръ Керенскій сѣлъ въ вагонъ поѣзда, идущаго изъ Парижа, намѣреваясь проѣхать всего четыре станціи, и заговорился — проѣхалъ гораздо дальше.

Собственно заговаривался онъ и прежде, но не съ такими ужасными для него послѣдствіями, какъ на этотъ разъ.

А именно: когда онъ заканчивалъ передъ столпившимися любопытными пассажирами свою одиннадцатую рѣчь о величій будущей Россіи,

поѣздъ вдругъ остано­вился, и въ вагонъ взыли­лась толпа пограничниковъ...

Ошибиться было невозможно: все они были увѣшаны ружьями, револьверами, на груди у всехъ красовались красныя звѣзды, а на рубахахъ было написано чернымъ по красному: «Р. С. Ф. С. Р.»...

Керенскій даже икнулъ отъ неожиданности и зашатался отъ ужаса:

— Господи! — подумалъ онъ. — Нипѣ от­пускаеши раба твоего... Отречемся отъ стараго міра... Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь насѣлъ... Мелькнула шашка — разъ и два — и покати­лась голова...

— Товарищи! — проревѣлъ чей-то радостный го­лосъ, — никакъ самъ Керенскій?! Важнаго карася поймали! Волоки его къ самому къ Троц­кому — онъ за его можетъ тыщу пайковъ отсы­печь на рыло!

Повели.

★

Сколько времени прошло, и какъ, и по какимъ дорогамъ его вели — Керенскій даже долгое время спустя не могъ вспомнить.

Очнулся впервые онъ только тогда, когда охрана, топоча ногами, ввела его въ пріемную и сказала:

— Подожди тутъ. Сичасъ, братъ, самъ Троц­кій выйдетъ.

— «Самъ Троцкій»... — вздохнулъ Керен-

— Интересно, какъ онь будетъ мучить меня?.. Папироеками будетъ жечь тѣло и запускать подъ ногти деревяшшяя лучники... А то и просто застрѣлить, какъ собаку.

Дверь изъ кабинета быстро распахнулась. Керенскій покосился однимъ глазомъ и увидѣлъ въ одной рукѣ Троцкаго револьверъ, въ другой — широкій пожъ.

— «Начнемъ, пожалуй», — вспомнилъ ему слова Ленскаго передъ смертельной дуэлью.

Но, приглядѣвшись, онь замѣтилъ, что не револьверъ былъ въ рукѣ Троцкаго, а портсигаръ, и не широкій пожъ въ другой рукѣ, а самого симпатичнаго вида безобидная коньячная бутылка.

— Сейчасъ ахнетъ бутылкой по головѣ, — подумалъ страдалецъ.

— Господи! Кого я вижу! Саша, голубчикъ!! Какими судьбами?.. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Вотъ-то нечаянная радость! А мнѣ какъ разъ ницѣ всю ночь красный попугай спился! Къ чему бы это, думаю. Все клювикомъ меня за ухомъ щекоталъ. Ну, братъ, разодолжить. Радъ, очень радъ тебя видѣть. Какъ живешь? Папироску можно? Сигарку? А то, можетъ, коньячку рюмочку трахнешь съ дороги? Какъ дѣла? Да ты садись, чудакъ — чего стоишь? А мы тебя, братъ Саша, часто съ Володей и Анатолиемъ вспоминаемъ! Да-а... Хорошія времена были. Помнишь, какъ мы съ Володькой съ балкона Кипесинской мантифоліи разводи-

ли... Подумать только — на четыре года моложе были. А помнишь, какъ ты — ах-ха-ха! гонялъ министра Переверзева для анархистовъ помѣщеніе подыскивать? Да, братъ Саша, много воды утекло.

— А онъ, однако же, не гордый, — совсѣмъ успокоившись, подумалъ Керенскій словами гоголевскаго героя. — Обо всемъ разспрашиваетъ.

— Кстати, Саша! А я передъ тобой въ долгу.

— А что такое?

— Да за газету-то, что вы въ Прагѣ съ Зензиновымъ выпускали... Здорово поддержали, шельмецы.

Троцкій подошелъ къ огромному желѣзному шкафу, звякнулъ около него ключами и, обернувшись, спросилъ:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Сколько я тебѣ за газетку долженъ?..

— Что ты, — смутился Керенскій. — Мы... совершенно бесплатно.

— Да что ты?! Прямо первый разъ слышу. А съ насъ, братъ, всякій тянетъ, кому не лѣнь. И «Дэйли-Геральдъ», и «Юманите», и всякая тамъ рвань. Ну, спасибо. Поддержалъ. Да у тебя чего видъ такой нездоровый? Усталъ?

— Да съ дороги, знаешь... Кхм!

— Ты береги здоровье, Саша. Оно пригодится. Хочешь мы тебѣ профессора пришлемъ?.. Да! А вѣдь я тебя забылъ, шельмеца, за самое главное поблагодарить!

— А что такое?

— Да за Врангеля. Если бы не твоя заграничная работница — едва ли бы мы съ нимъ справились. Ловко ты его угробилъ.

Троцкій снова подошелъ къ тяжелому шкафу, снова мелодично звякнулъ ключами и обернулся:

— Сколько?

— Чего сколько?

— Да за Врангеля. Мы, братъ, въ долгу никогда не остаемся — всякій трудъ долженъ оплачиваться.

— Помилуй, — смутился снова Керенскій. — Да я совершенно бесплатно.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы за народъ, — засмѣялся Троцкій. — Не отъ міра сего. Я понимаю, если ужъ продавать что нибудь — такъ гони за это молоту, а продавать и ничего не получать — на это способны только круглые идію... идеологи! Гм... да. Вотъ мы тогда съ Володей маханули у этого пѣмчуры пятьдесятъ милліончиковъ чистогапомъ, — глазомъ не моргнулъ, каналья, — даль!

— А вы моргали? — пошутилъ Керенскій.

— За насъ, братъ, другіе наморгались достаточно. Да-а... Ну, а мы, братъ, такъ вотъ и живемъ, хлѣбъ жуемъ. Воюемъ вотъ все. Кстати! А вѣдь я тебя за главное забылъ поблагодарить — совсѣмъ изъ ума вонъ. Прямо, братъ, ты золотой человѣкъ у насъ, на рукахъ тебя, канашку, носить бы надо!!

— За что?

— А за резолюцію объ интервенціи. То есть такъ кстати, такъ кстати...

И снова около кассы послышался мелодичный звонъ ключей:

— Сколько?

— Лева, ты меня обижасшь...

— Ну, не буду, не буду. Надѣюсь, ты поживешь у насъ, погостишь, осмотришься?

«Это, однако же, хорошо, — подумалъ Керенскій, — оставить они меня у себя, а я возьму и покажусь населенію. Сейчасъ же меня подхватятъ на руки, устроятъ возстаніе, свергнутъ совѣты, народъ выберетъ меня»...

— Право, поживи. Ты не бойся, мы тебѣ охрану дадимъ -- сотню красныхъ башкирь...

— Отъ кого охрану? — удивился Керенскій.

— Какъ отъ кого? Отъ населенія. Я вѣдь ихнее настроеніе знаю: увидятъ тебя — въ ключья! И луговицы потомъ не отыщешь.

— Нѣтъ, лучше я назадъ, за границу поѣду, — печально сказалъ Керенскій.

— И то поѣзжай. Тамъ ты гораздо больше пользы принесешь, чѣмъ здѣсь. А знаешь, что мы сдѣлаемъ? Мы тебя за границу въ пломбированномъ вагонѣ отошлемъ. Ха-ха-ха! Вотъ будетъ штука! Они тогда насъ, а мы имъ теперь тебя. Работай, голубчикъ, работай, не покладая рукъ!! А если тамъ понадобятся деньжата или что...

— Лева, ты меня оскорбляешь. Я развѣ изъ-за денегъ? Я единственно изъ за чистоты партійной программы...

— Впрочемъ, намъ одинъ чортъ — изъ за денегъ ли, изъ за чистоты ли... Еще дешевле! Ну, всѣхъ тебѣ благъ! Зензинова отъ меня чмокни въ щечку, Лебедеву кланяйся... Эй, кто тамъ есть! Вагонъ товарищу Керенскому! Да запломбируйте его покрѣпче, чтобы по дорогѣ никакая дрянь его не обидѣла... Да ковровъ ему положите, чтобы помягче было, да чтобъ тепло ему было — угля побольше, угля-то! Ну, трогай! Эхъ вы, залетные!

КЕРЕНСКІЙ.

(Третій портретъ.)

Рядъ волшебныхъ измѣненій милого лица ...

Однажды Александръ Керенскій сидѣлъ среди блестящаго заграничнаго общества и блестяще говорилъ:

— Большевиизмъ — это свирѣпый чугунный колоссъ на глиняныхъ ногахъ! Подрубите ему ноги — и онъ рухнетъ. Мы, старые революціонеры...

Мрачный чернобородый нахмуренный человекъ вдругъ завозился въ креслѣ и быстро перебилъ:

— Чего, чего?..

— Я говорю, что большевиизмъ это — чугунный колоссъ на глинян...

— Нѣтъ, не это! А чего вы сказали: старый-чего?

— Я говорю, что я, какъ старый революціонеръ...

— Это вы-то?

— Ну да, я. А то кто же?

— Послушайте... — вдругъ совсѣмъ тихо,

пониженнымъ голосомъ и очень задушевно заговорилъ чернобородый. — Ну, какой вы революціонеръ? Какъ за копейку постоять. Развѣ такіе революціонеры бывають? Большевизмъ уже четвертый годъ, какъ сѣлъ на шею Россіи — а какъ вы съ нимъ боролись? Палець-о-палець не ударили! Только и дѣлали, что подъ ногами путались — сначала у Корнилова, потомъ у Деникина, у Колчака, а въ концѣ концовъ — у Врангеля... «Мы, старые революціонеры». Эхъ, вы! Молчали бы лучше!

— Однако, послушайте...

— Да чего тамъ слушать! Четыре года слушаемъ васъ, а говорите вы и пишете такъ, будто чешется у меня правая нога, а вы скребете лѣвую.

— Слушайте, я не совѣтоваль бы со мной такимъ тономъ...

— Дѣйствительно, стану я съ вами тонъ подбирать! Цапа какая! «Старый революціонеръ!». Нѣтъ, братъ, если ты старый революціонеръ — такъ не болтайся здѣсь за границей, не путайся между ногами у занятыхъ людей, а поѣзжай въ Россію и устраивай тамъ революцію... А то отсюда-то, братъ, легко кукиши всѣмъ сучить...

Чернобородый былъ твердъ, рѣзокъ, даже грубъ, но говорилъ онъ такимъ тономъ, что нужно было или трахнуть его кулакомъ по темени или покрыть еще болѣе твердымъ тономъ, чѣмъ тотъ, которымъ говорилъ онъ.

Керенскій выбралъ второе.

— И поѣду!

— Куда?

— А въ Россію.

— Ой, заливаешь?

— Виновать, я васъ не понимаю...

— Да чего тамъ понимать. Я тебѣ, Сашъ, скажу такъ... (Чернобородый перешелъ опредѣленно на «ты», и голосъ его потемнѣлъ, сдвинулся нѣжнымъ). Я тебѣ, Саша, скажу вотъ что: ежели ты да дѣйствительно поѣдешь въ Россію — первымъ ты для меня человѣкомъ будешь!

— И поѣду. А ты что думаешь? Мои рабочіе, чай, заждались меня! Вотъ-то кому заварю. Я понимаю, что имъ, дѣйствительно, настоящій вождя нуженъ; а безъ вождя они что? Поѣду! Такъ что-то. И, когда я пріѣду, большевики у меня ко всѣмъ чертямъ полетятъ! Вотъ ужъ теперь я перемошиться не буду... Нѣ-ѣтъ, братъ! Самъ-съ-усамъ.

— Вотъ это по нашему! Люблю парня за ухватку. А я, братъ, съ тобой вмѣстѣ поѣду. Со мной не пропадешь. Когда ѣдемъ? Завтра?

— Ну, ужъ ты тоже скажешь — завтра... Вотъ бороду отпущу — и поѣдемъ.

— И вѣрно. Отпусти ес, Сашенька, Богъ съ ней. Такъ ѣдемъ, Саша? Ай молодца!

Расцѣловались.

★

Керенскій сидѣлъ дома и ничего не принималъ:

— Дома баринъ?

— Такъ точно; дома. Только они заняты.

— Чѣмъ?

— А бороду отпускаютъ.

Послушай, голубчикъ, какое же это занятіе отпускать бороду? Вѣдь онъ можетъ со мной говорить, а борода, все равно, въ это время будетъ отпускаться.

— Всѣ вы такъ говорите. Не приказано принимать, — значить, не приказано.

★

Пароходъ везъ Керенскаго и его новаго чернобородаго друга изъ Константинополя въ Севастополь.

Оба — Керенскій и Чернобородый — стояли, опершись о бортъ, и разговаривали.

Разговоръ былъ нѣсколько односторонній, такъ какъ говорилъ только Керенскій:

— Большевикъ нужно раздавить однимъ могучимъ ударомъ. Когда я подниму своихъ рабочихъ и вообще весь сознательный пролетаріатъ, они должны сразу накинуться на эту зловонную стоголовую гадюку и сразу отсѣчь всѣ сто головъ. Только одинъ натискъ — но быстрый, какъ молнія. И всѣ эти воры и насильники треснутъ, какъ пустой орѣхъ.

— Гм... да, — согласился Чернобородый. — А вотъ и Севастополь виденъ.

— Уже?! Скоро. Интересно, удастся намъ проскочить съ фальшивыми паспортами, или, но дай Богъ, задержать? Собственно, я того мнѣнія, что большевизмъ въ своемъ чистомъ видѣ штука не плохая, и если бы его такъ не исказили люди, присосавшіеся...

— Какая красивая бухта, — перебилъ Чернородый.

— Что бухта! Вы возьмите, какая красота нѣкоторые тезисы ученія Карла Маркса... Я понимаю, почему коммунисты считаютъ Маркса своимъ Евангеліемъ.

— Сторонись! Сходни ставятъ.

— Ахъ, уже сходни... Какое быстрое это морское дѣло. Я теперь понимаю, почему матросы такъ много сдѣлали для Великой Русской Революціи... Вообще, если буржуазія и раздавлена, то только благодаря мощной поддерж...

— Ну, разговорились не во время! Тащите чемоданъ!

— Уже? Ахъ какой красивый городъ! И какой порядокъ, чистота. Вотъ, думаю, при Врангелѣ тутъ безобразіе было... Вообще, эта контръ-революція.

★

Въехали на сѣверъ поѣздомъ.

— Какая станція? — спросилъ Керенскій дремлющаго Чернородаго.

— Мелитополь.

— Уже? Какъ скоро. Третій день всего ѣдемъ

— и уже Мелитополь. А раньше какое безобразіе — чуть не 15 часовъ нужно было тащиться. Нѣтъ, что касается порядка и системы, то въ большевизмѣ есть хорошая сѣмена. Конечно, я террора не одобряю... и удушеніе печати не одобряю... А что рабочіе стали хорошо работать — это нужно коммунистамъ отдать должное.

*

— Вхали, вхали.

— Какая станція?

— Харьковъ.

— Уже? Да вѣдь только двадцать первый день ѣдемъ. Мальчикъ, какая у тебя газета? Коммунистическая? То-то. А если бы была бѣлогвардейская — я бѣ тебѣ штанишки спустилъ и по спинѣ похлопалъ — таково больно: не торгуй бѣлогвардейщиной! Конечно, я террора не одобряю, но съ печатью, по моему, поступлено правильно. Дѣйствительно: если меня же, правителя въ моей же странѣ, ругаютъ — неужто я буду молчать? Нѣтъ, товарищи, нужно войти въ положеніе Ленина и Троцкаго!!! Имъ тоже не сладко бремя власти. Для народа только и взвалили себѣ на плечи.

— Тула!

— Тыфу ты, чортъ! Это не товаро-пассажирскій, а какой то поѣздъ-молнія, прости Господи! Второй мѣсяцъ всего ѣдемъ, и уже Тула. А почему такъ быстро? Потому что рабочій народъ въ страхѣ Божьемъ держатъ. Нѣкоторые говорятъ:

«Терроръ, терроръ!». А что такое терроръ — и сами не знаютъ. Терроръ да ежели съ толкомъ примѣнять — такъ это первал штука. Я не спору, — безъ толку не нужно... Меня, напримѣръ, скажемъ — за что трогать? Никому я зла не дѣлаю, совѣтскую власть уважаю, давеча даже ихъ во дворецъ Кшесинской пустилъ: живите, мнѣ не жалко. Я такой человекъ. Я — добрый. Я знаю — коммунисты хорошіе люди, тихіе и хмельнымъ не зашибаютъ. Что это за станція, товарищъ? Москва? А скажите, товарищъ, какъ пройти на то мѣсто, гдѣ похоронены усопшіе при исполненіи обязанностей наши товарищи-коммунисты? Я хотѣлъ бы поклониться ихъ святому праху.

Чернобородый почесалъ бороду, крикнулъ, сплюнулъ и, молча, какъ ошпаренный, выскочилъ изъ вагона...

.

БАЛТІЙСКІЙ МАТРОСЪ.

Жизнь и смерть Шкляренки и Бондаря.

До октябрьской революціи образъ балтійскаго матроса былъ ясенъ и прозраченъ, какъ стекло...

Вотъ онъ:

«Боцманмать съ «Авроры» Никита Шкляренко сдвинулъ на затылокъ шапку, вынулъ табачную явачку, зашелъ въ портовый кабакъ «Три Якоря», хватилъ однимъ духомъ полъ-пипты рому и, ахнувъ могучимъ кулакомъ между лопатокъ своего пріятеля Егора Бондаря, пустился съ нимъ посреди кабака въ плясъ, оглашая воздухъ боевой матросской пѣней».

Я очень любилъ этотъ безхитростный образъ. Давно любилъ. Еще съ тѣхъ поръ, какъ въ юности прочелъ незабвенный Стивенсоновскій «Островъ Сокровищъ».

Я очень любилъ эту цѣльную здоровую патуру — могучаго, грубоватаго и добродушнаго матроса, сожженнаго солнцемъ тропиковъ, пропитаннаго морскими запахами, широкоплечаго,

немного неуклюжаго на сушѣ, покачивающагося во время ходьбы увальпя.

Революція совершенно преобразила эту дѣльную моноклитную натуру.

Началось съ простаго: вдругъ матросъ совершенно забросилъ свой корабль, перешелъ на сушу, вооружился ружьемъ, перепоясался пулеметной лентой и сталъ таскаться по всеѣмъ подьѣздамъ, обыскивалъ и разстрѣливалъ.

Въ дальнѣйшемъ эволюція матроса пошла еще больше вглубь и вширь: нѣкоторые неуклюже вскарабкались на коней и образовали совершенно неслыханную въ природѣ «матросскую кавалерію»; кое-кто причалилъ къ тихой пристани: устроился комиссаромъ въ какой-нибудь Губчека; а большинство застряло въ «Красномъ Питерѣ» и образовало кадры новой аристократіи.

Уже въ 1918 году можно было видѣть на улицахъ Петербурга эту изысканную публику, одѣтую въ штаны до того широкіе, что казалось, на ногахъ болтались двѣ женскихъ юбки; одѣтую въ традиціонныя голландки, но съ такимъ огромнымъ декольте, на которое свѣтскія дамы никогда бы не осмѣлились.

Эти странные матросы были напудрены, крѣпко надушены; на грубыхъ лапахъ виднѣлись явные слѣды безуспѣшнаго, но усиленнаго маникюра; на ногахъ — туфли съ высокими каблуками и чуть ли не съ лентами; на груди приколоты роза.

Такъ выродился и выродился честный простой русскій матросъ.

Ясно, что наизлутити оныя оставаться не могъ: газеты сообщали, что въ столичныхъ театрахъ большинство публики — декольтированные матросы, нацудренные, съ подведенными глазами и покрашенными губами; на рукахъ — браслеты, на груди — бриллиантовая брошка.

О, бывший могучій Никита Шкляренко, обвѣянный вѣтри вѣтрами, согрѣтый тропическимъ солнцемъ и пропитанный морскимъ соленымъ запахомъ, — о, Никита Шкляренко! Отсюда даже вижу весь «трэшъ» твоей пышной столичной жизни.

Не узнать тебя, о, Никита, выпивавшаго однимъ духомъ полъ-пиццы крѣпчайшаго рому и храбро вступавшаго въ бой хоть съ полдюжиной задиристыхъ коллегъ съ англійскаго угольщика.

Вотъ пришелъ ты со своимъ пріятелемъ Егоромъ Бондаремъ въ Александринскій театръ, съ наигранной свѣтской усталостью усѣлись вы оба на мѣста въ ложѣ и тутъ же стали вы оба разглядывать публику: Егорка Бондарь въ перламутровый дамскій бинокль, ты же, о, Нишкица Шкляренко, въ лорнетъ.

Сожурили вы оба подрисованные глаза, сжали пренебрежительно покрашенные губы и, почесавъ могучей пятерней пышное свое декольте — покачали въ тактъ завитыми головами:

— Публика севодни — не охти чтобы какая.

На барьерѣ вашей лояги стоить коробка шоколаду, и вы оба, оставивь могучіе, кривые отъ бывшей возни съ канатами мизинцы, то и дѣло запускаете руку въ коробку.

— Жарко! — говоритъ Шкляренко, утирая папудренный лобъ. — А я вѣсрь дома забылъ. Ахъ, знаешь, кстати, какую я брошку намедни видѣлъ у одного товарища! Прямо — съ блюдецце! Поль-груды закрывастъ. Я на свое колье предлагалъ мѣнку — не хочеть, сволочь. А што говорють, что быдто теперь у волосахъ діадемы уже стали посить. А что такое діадемы: — я и не знаю: чи то въ родѣ звѣзды, чи то, какъ на манерь рога.

— Никишка, чортъ собачій, — первно перебиваеть размечтавшася друга Бондарь. — Ты опять Вѣрой Віолетой надушился?! — Головизна отъ него трещать пачинасть. Накарай меня Господь — сейчасъ упаду въ обморокъ.

— При чемъ тутъ моя Вѣра Віолета? Просто я говорилъ тебѣ — не затягивай такъ корсетъ! А ты зашпаклевался до отказа!

— Ладно тамъ! Сотри-ка лучше съ бакборта румяны: на самый глазъ вѣхали.

— Это я спѣшилъ: понимаешь, какая теперь дрянъ — ожурный чулокъ пошеть: какъ натянешь, такъ у колѣнки — хрясь! Напополамъ, къ чертовой матери!

— Да... трудно теперь матросу по настоящему одѣться!.. Ни тебѣ кружева къ панталонамъ, ни тебѣ шелковыхъ завязокъ до туфель...

★

Тихо плещется у горячаго песчанаго берега далекой-далекой зеленый океанъ...

Съ жемчужнымъ шорохомъ догоняетъ одна волна другую и шепчетъ ей:

— ... Однажды нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время бури, долго носила я на своемъ хребтѣ прекрасный русскій корабль... Очень хотѣлось мнѣ утапить его на дно, но команда корабля сражалась съ бурей, какъ стая львовъ. Что это были за молодцы! И среди нихъ два самыхъ могучихъ отчаянно-храбрыхъ льва — во время минуты затишья я подслушала имена ихъ — то были: матросъ Егоръ Бондарь и боцман-мать Никита Шкляренко!..

Докатилась зеленая волна до берега, разлилась кружевомъ по желтому горячему песку и вздохнула въ послѣдній разъ:

— Гдѣ-то теперь они?

Эхъ, зеленая кружевная океанская волна! Не знаешь ты, матушка, какія на свѣтѣ чудеса бываютъ...

Хочешь, расскажу?

Вотъ лягу грудью на песокъ у самаго того мѣста, гдѣ ты, обезсиленная зносомъ, растекаешься томнымъ лѣтнимъ вѣтромъ, у самыхъ

моихъ губъ и повѣдаю тебѣ окончаніе этой чудесной, диковинной, по русскому, сказки.

★

Шли однажды по Невскому два декольтированныхъ матроса въ лаковыхъ туфляхъ — Никита Шкляренко и Егоръ Бондарь...

Бесѣдовали о своихъ нео-матросскихъ дѣлахъ.

— Говорятъ, что теперь самое модное — какой-то фойфъ-о-кложъ чертячій. А гдѣ его купить и на кое мѣсто пацѣпить — такъ никто и не знаетъ.

И наткнулись они въ этотъ моментъ на группу людей, окружившихъ кого-то.

— А ну разступись, пшана, — гордо сказала Егоръ Бондарь. — У чемъ тутъ дѣло?

— Мальчишка съ голоду на мостовой умираетъ, вотъ тебѣ и дѣло.

Бондарь притихъ немного.

— Чего-жъ это онъ! Неужто ѣсть такъ-таки совсѣмъ и нечего?

— Кому — какъ, — отвѣтилъ изъ группы ѣдкій голосъ. — Которые съ брошками на грудяхъ, съ лакомъ на лапахъ — тѣ ѣдятъ первый сортъ. А настоящій народъ шибко мретъ.

— А что жъ я, по твоему, не настоящій народъ? — обидѣлся Бондарь.

— Ты? Да ты бы въ зеркало на себя поглядѣлъ.

Шкляренокъ обернулся на друга, поглядѣлъ на него новыми, свѣжими глазами и вдругъ шумно расхохотался:

— А вѣдь и вѣрно — чучело съ огорода.

— А ты себя-то видѣлъ?

Потомъ Шкляренокъ сдѣлался серьезенъ.

— Скидывай брошку; отдай мальчишкѣ! Скидывай усе. Айда на корабль — рожки мыть. Я имъ сволочамъ покажу ихній коммунизмъ! До чего довели, а? Простите, православные, а мы это усе по новому справимъ!

И два друга, порывистые, темпераментные во всемъ — и въ бояхъ съ матросами угольщика и въ обсужденіи діадемъ и фэйфъ-о-клоковь — помчались, какъ вихрь.

★

Балтійскій ледъ скованъ на диво. Крѣпокъ. Ему не трудно и цѣлый полкъ выдержать.

А тутъ всего два человѣка.

Лежать на безкрайномъ ледяномъ полѣ.

Раскинулись они по богатырски: руки, ноги въ стороны, головы закинута.

И оба голые до пояса. Это ужъ такой обычай матросскій: при такой дракѣ, которая должна быть послѣдней — и голландку и тѣльникъ сбрасываютъ... Потомъ, все равно, не надо, а драться куда способнѣй.

Лежать неразлучные благопріятели.

И у Никиты Шкляренокъ уже не румяна на щекѣ, а что-то потемнѣе и погуще.

И Бондарь украсилъ рубиновымъ знакомъ въ томъ самомъ мѣстѣ, на груди, гдѣ раньше сверкала брошка.

Расплатились честно морячки и за румяна и за брошки.

Поработали — отдыхаютъ. Такой крѣпкій сонъ, что хотъ сто слянокъ бей надъ ухомъ, и ухомъ не повернуть. Потому стоять уже на другой вахтѣ...

★

Волна выслушала, вздохнула и, пересчитавъ камушки, какъ старуха — четки, когда молится за близкихъ покойниковъ, откатилась, удовлетворенная, въ океанъ.

СОВѢТСКІЙ УЧИТЕЛЬ.

Одинъ изъ многихъ.

1. Эпоха первая, 1895 годъ.

Маленькій мальчикъ Вася Усовъ сидѣлъ у себя въ дѣтской за старымъ видавшимъ виды столомъ, силюсь изрѣзаннымъ и залитымъ чернилами — и горько плакалъ.

— О чемъ ты? — спросила заглянувшая въ дѣтскую мать.

— Ничего не знаю.

— То есть... какъ это — ничего не знаешь?

— Да вотъ такъ-какъ есть рѣшительно ничего, ничегошеньки не знаю. По географіи. Все слова какія-то: Свта-фе-де-Богата. Гвада-лупа, Бабъ-эль-Мандебъ, изотерма, изохимена, меридіапъ...

— Бѣдный мой мальчикъ... Ну, можетъ быть, и выкрутишься какъ-нибудь... Учитель, глядишь, позабудетъ и не спроситъ.

— Не таковскій онъ. Пропала моя головушка. Предчувствіе не обмануло Усова, Василия.

На урокъ географіи учитель первыми дол-

гомя вызвѣрился на Усова, какъ очювая змѣя на попугайчика:

— А ну, ты!.. Какъ тебя тамъ... Усовъ, что ли... хотя, братъ, тебѣ больше подходила бы фамилія — Безусовъ... Ну, вы тамъ... загрохотали, обрадовались. Тише тамъ! Расскажи мнѣ, Длинноусовъ, объ Изохименѣ.

— Слушаю-съ. Изохименой называется, которая, такое оно...

— Какое?

— Оно длинное...

— Такъ, такъ... Зеленый, длинный, висить въ гостинной. Дернешь — пищить.

Здорово ты знаешь, Черноусовъ. Еще разъ тебя спрашиваю: что такое Изохимена.

— Ящерица такая — съ энергіей отчаянія крикнулъ Усовъ Василій и даже зажмурился — будто въ черную пропасть прыгнулъ.

Безжалостный классъ снова загрохоталъ.

— Что ты говоришь? Какого же она цвѣта?

— Такая... желтенькая, съ крапинками.

— Что-жь она... опасная?

— Ну, не очепь.

— Ну, не скажи. Для тебя она очень опасна.

Этакій маленький звѣрекъ, а единицу въ зубахъ притащилъ. Впрочемъ, ты можешь поправиться. Экваторъ видѣлъ когда-нибудь?

— Не видѣлъ.

— Что же это ты такъ промахнулся? Почему не видѣлъ?

— Огъ же далеко. Онъ же въ Африкѣ.

— А здѣсь почему его нѣтъ?

— Онъ же водится въ жаркомъ климатѣ...

— Здорово, Усовъ, Усовъ! Какъ жалко, что и ты не водилъ въ жаркомъ климатѣ. Былъ бы ты сейчасъ далеко отъ меня и не принуждалъ бы меня оставлять тебя безъ обѣда и писать записку родителямъ. Стать къ стѣнкѣ въ уголь носомъ, пока я напишу записку родителямъ.

Пусть они тебя по экватору хорошенько настегаютъ.

★

Шесть часовъ вечера. Дома—знакомая, но тяжелая картина: отецъ бѣгаетъ по кабинету, хватаясь за голову, и стонетъ, такъ что сердце разрывается.

— Ну, что мнѣ съ тобой дѣлать!

Уже такой большой дуракъ, а изохимены не знаешь. Въ пастухи мнѣ теперь тебя отдавать, что-ли...

2. Эпоха вторая, 1922 годъ.

Преподаватель Московской совѣтской школы «Нормальсовмѣствобуч» Василій Капитоновичъ Усовъ передъ уходомъ на занятія сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и горько плакалъ.

— Что съ тобой, папа? — спросила заглянувшая въ кабинетъ десятилѣтняя дочь.

— Ничего не знаю, ничего не понимаю.

— Ну, напримѣръ.

— Очень меня жучать мальчишки. Такие уроки задаютъ, что никакъ не выучишь. И слова все самыя непонятныя: «Уездземельком», «Деркамбед», «Реввоенсов», «Соввоенспец».

— Ну, авось сегодня не вызовутъ..

— Да, какъ-же, надѣйся. Мы, говорятъ, тебя выбрали всеобщимъ голосованіемъ въ учителя, и ты долженъ знать все на зубокъ. Все пугаютъ: не будешь знать, говорятъ, мы тебя безъ пайка оставимъ и записку домой твоимъ дѣтямъ напишемъ. Тебя-то, Оличка, я не боюсь, ты меня любишь и не тронешь пальцемъ, а сынъ, если узнаетъ, выпоретъ такъ, что до зеленыхъ вѣниковъ не забуду.

И предчувствіе не обмануло Уссува.

Когда онъ вошелъ въ большую, холодную комнату «Нормальсовобуча», сначала на него никто не обратилъ вниманія: два мальчика, сиди верхомъ на кафедрахъ и болтая ногами, дружески угощали другъ друга доброй пенюшкой коканна; еще одинъ мальчикъ мирно завтракалъ бутербродомъ изъ конины, запивая его бутылкой мутнаго пива, прямо изъ горлышка. Двѣ дѣвочки грѣли на спиртовой машинкѣ щипцы и завивали другъ друга съ такой яростью, что запахъ паленаго волоса заглушалъ все другіе запахи. Компанія изъ шести человекъ сгрудилась въ углу у окна, и оттуда неслись оживленные возгласы: «У меня семь очковъ, а у тебя. Ага. Жиръ. Ставлю еще пятьсотъ тысячъ. Четыре. Три. Очко деньги съѣло. Иду до банка».

— Кто сегодня дежурить? — робко озираясь, спросить Усовъ.

— А-а. Товарищ Могроусовъ, — про-
бормоталъ счастливый владылецъ пива, отрывая
губы отъ горлышка. — Чего же вы опаздываете?

— Въ аптеку ходилъ, ей Богу, — соврала
Усовъ Василии. — Дочка больна.

— Вѣчные отговорки. Ну что, приготовили
урокъ? Или итъ, какъ давеча, разнюнитесь.

— Кто сегодня дежурить? — переспросилъ
Усовъ Василии, стараясь замаять неприятный раз-
говоръ.

— Овсѣюковъ. Только его сегодня не будетъ.
Пошелъ въ комиссариатъ съ женой разводиться.

— Онь вѣдь, кажется, позавчера разводился?

— Ну, что жъ такого. Позавчера съ одной
разводился, сегодня съ другой, — разсудительно
возразила дѣвочка, веря на рукѣ раскален-
ные щипцы. — Послушайте, душка Усаковъ. До-
станьте мнѣ денатурату для машинки, я васъ
поцѣлую въ щекъ.

— Манька, — строго крикнулъ юноша, только
что отправившій въ носъ очередную понюшку
кокаина, — давно я тебя за носъ не таскалъ...
Ты у меня пококетничашь.

— Товарищ Усовъ! Покуримъ, что ли.
Сахаринкомъ не интересуетесь? Могу предло-
жить полтора кило ффрапко сюда. А у меня,
знаете, печальная новость: Катя сбѣжала. На
какого-то латыша паршиваго промѣняла. Вотъ
тебѣ и свободная школа, чортъ ее подери.

— Ну вы, шпала, — закричалъ, входя, дежурный Овсяковъ. — Разъ учитель пришелъ, не будемъ терять золотого времени. Спросимъ у него урокъ да и айда по домамъ. У насъ тутъ компания въ «Тифлисъ» собирается. Товарищъ Усовъ, что вы сегодня готовили?

— Отношеніе «Деркомбедовъ» къ «Уеземелькому».

— Ну вотъ, вы намъ и расскажите объ этомъ. Ступайте на кафедру. Оттуда будете говорить. Порядка не знаете, что ли?

— Гм... кхе, кхе... Эти самыя... «Деркомбеды» относятся къ «Уеземелькому» какъ низшій подвластный органъ, но въ случаѣ недоразумѣній всякій вопросъ вносится въ «Губсовнархозъ», который совмѣстно съ «Осотопомъ» и «Всесобучемъ».

— Съ кѣмъ? Съ кѣмъ?

— Я хотѣлъ сказать съ «Реввоенсовомъ»...

— Да вы знаете, что такое «Реввоенсовъ»?...

— Это такой... военный, который.

— Ну, что такое «Реввоенсовъ»? Можетъ быть, вы думаете, что это въ переводѣ: реветь военный, какъ сова? Не гогочите вы, жеребцы... Ахъ Усовъ, Усовъ. Что намъ съ вами дѣлать?... Ну, скажите намъ, каковы функціи «Осоевнатопы». Подчиненъ ли онъ... «Высоевнатопу» или нѣтъ?

— Нѣтъ, то есть да.

— Гм... «нѣтъ, то есть да». Ахъ, Длинпоусовъ, Длинпоусовъ... Опять придется вызывать вашихъ дѣтей въ учебную — объясняться.

— Я старался... я училъ...

— Опять слезы. Пойдите, стапьте къ стѣпкѣ, пока я вашимъ дѣтпмъ записку напишу. Пусть хоть они васъ усовѣтять...

А дома была знакомая, но тяжелая сцена.

Двѣнадцатилѣтпий сынпшка Петька бѣгалъ по дѣтской, хватался за голову и стопалъ: — Ну, что я съ тобой буду дѣлать? До сѣдыхъ волосъ дожилъ, а «Реввоенсова» не знаешь. Въ пастухи мнѣ тебя отдавать, что ли? — Дочь Оля подошла къ пригорюнившемуся отцу, погладила его по головѣ и сказала брату съ упрекомъ:

— Ну, что ты къ человѣку привязался. Сегодня не выучилъ, завтра выучить. Я сама съ нимъ позапмуь.

АРТИСТКА ОБРАЗЦА 1922 ГОДА.

Одна из многих.

Хорошенькая, изящная, какъ парадная ку-
лолка, пѣвица придвинула къ себѣ ближе об-
сахаренные орѣхи и, облизывая обсахаренные
пальчики, сказала:

— Наша Одесса — ужасный городъ! Поэмо-
рѣли бы вы, какъ вели себя одеситы при боль-
шевикахъ!..

— А вы развѣ были тогда въ Одессѣ, при
большевикахъ?

— Ну! — обиженно усмѣхнулась она съ
непередаваемой, неподражаемой одесской инто-
націей, придавъ этому слову изъ двухъ буквъ
выраженіе цѣлой длинной фразы, смыслъ ко-
торой долженъ былъ значить:

— Неужели ты сомнѣвался, что я была въ
Одессѣ, и что я, вмѣстѣ со всѣми, пережила
всѣ тягчайшіе ужасы большевизма, и что я
съ честью вышла изъ положенія, заслуживъ
титულъ героини и ордена мученицы!..

Да... многое можетъ вложить настоящій одесситъ въ слово изъ двухъ буквъ.

— Что жъ... тяжело вамъ было тамъ?

— Мнѣ? Если бы я начала рассказывать обо всѣхъ моихъ страда... Передайте мнѣ эти тяпучки... тегсі! страданіяхъ, то въ дѣлую книгу не упишешь.

Она положила себѣ на голову бѣлую ручку съ отполированными ноготками и задумалась.

— Ахъ!.. Эти обыски, эти аресты...

— У васъ былъ обыскъ?!

— Не одинъ, а три. Положимъ, не у меня, а у моихъ сосѣдей, но все равно — тревожили и меня. Товарищъ предсѣдателя чрезвычайки заходить вдругъ ко мнѣ и просить бумаги и чернилъ, — они тамъ въ сосѣдней квартирѣ что-то писали... Ну, что было дѣлать — дала! Вѣдь мы тогда всѣ были совершенно безсильны.

А онъ смотреть на меня и вдругъ говорить... благодарю васъ, мнѣ не хочется этого кекса... и говорить: «А я васъ знаю, вы очень хорошо поете!».

Понимаете — знаетъ меня! Я чуть въ обморокъ не упала...

Потомъ, въ чрезвычайкѣ уже я ему говорю...

— Неужели въ чрезвычайку васъ таскали?!

— Да, видите ли... Тамъ былъ какой-то концертъ — вотъ насъ артистовъ и заставили пѣть! Такой ужасъ! Револьверъ къ виску — и пой! Я тамъ, впрочемъ, большой успѣхъ имѣла — они, вообще, замѣчательно умѣютъ слушать. А

какъ апплодировали! Потомъ уже, сидя въ автомобилѣ съ товарищемъ предсѣдателя чрезвычайки...

— Все таки, значить, они были съ вами вѣжливы — назадъ отвозили.

— Нѣтъ, это не назадъ... Это, вообще, днемъ было. Я шла къ Робина, а онъ взялся меня подвести. Шикарный у него автомобиль, знаете...

— Охота вамъ была съ большевикомъ ѣздить, — замѣтилъ я.

— А что подѣлаешь? Револьверъ къ виску — и катайся! Я ужъ потомъ и то говорила ему: «Вы, Миша, ужасный человѣкъ! Съ вами прямо страшно». А онъ засмѣялся, открылъ крышку рояля и говорить: «хотите — говорить — пашкой перерублю всѣ струны, а вамъ новый пришлю!».

— Неужели въ автомобилѣ рояль стоялъ? — изумился я.

— Въ какомъ автомобилѣ?!.. При чемъ тутъ автомобиль?... Дома у меня, а не въ автомобилѣ.

— Неужели-же вы большевиковъ у себя дома принимали?

— А что подѣлаешь? Револьверъ къ виску и сидить и пить чай до трехъ часовъ ночи!.. «Миша, — говорю я ему — ты меня компрометируешь»... Ахъ, столько страданій за эти нѣсколько мѣсяцевъ! Не поѣхать къ нимъ въ чрезвычайку неловко, — обидятся, а поѣдешь...

Впрочемъ, одинъ разъ очень смѣшной случай былъ. Присылаютъ они за мной автомобиль — огромный-преогромный, теряешся въ немъ, какъ пуговица въ карманѣ; плачу, а ѣду. Впрочемъ, единственный разъ я у нихъ и была. Приѣзжаю... На столѣ столько наставлено, что глаза разбѣгаются! Преподносятъ мнѣ, представьте, преогромный букетъ розъ и мимозы...

— Неужели отъ большевиковъ букеты принимали? — съ упрекомъ замѣтилъ я.

— А что подѣлаешь?! Револьверъ къ виску и суютъ въ руку. И темно-фіолетовая лента — чудесное сочетание! Впрочемъ, я одинъ разъ у нихъ только и была. Спрашиваютъ: «Чего — говорить — сначала хотите выпить?». Я говорю: «Зубровка, той, что мы вчера пили». Посмотрѣли другъ на друга какъ-то странно, мнутъ: «Да она — говорятъ — въ погребѣ». — «А вы принесите изъ погреба», — говорю я. «Неужели боитесь? Пойдите съ племянникомъ Саней (племянникъ мой тогда тоже со мной былъ — Саня) и принесите». Саня уже всталъ было, а они совсѣмъ переполошились. «Нельзя туда, въ тотъ погребъ!». — «Да почему?!». — «Оттуда — говорятъ — еще разстрѣлянные бандиты не убраны!.. Тамъ лежатъ». Нѣтъ, пѣтъ... Лучше эту розовенькую... Она, кажется, съ орѣхами!.. Да... такъ, понимаете, какой ужасъ: гдѣ эта зубровка стояла — разстрѣлянные бандиты лежатъ. Мы потомъ эту зубровку «бандитовкой» называли. Охъ, ужъ эта Одесса-ма-

ма... Вѣчно она что-нибудь выдумаетъ... ха-ха!.. Слушайте, отчего же вы не смѣтаетесь?..

— Спасибо. Я уже года два, какъ не смѣюсь.

Я всталъ, наклонилъ свое лицо къ ея розовому, разрумянившемуся личику и тихо спросилъ, глядя прямо ей въ глаза:

— Скажите, а они не могли подсунуть вамъ, вмѣсто бандитовки — офицеровку?

И я видѣлъ, какъ что-то, будто випятомъ, ошпарило ея птичій мозгъ.

Она заморгала глазами быстро-быстро и, отмахиваясь отъ чего-то невидимаго, жалобно прокрикала:

— Но они же револьверъ къ виску... Тапцуетъ у нихъ — и револьверъ у виска, пьешь — и револьверъ у виска... Не смотрите на меня такъ!

*

Разнообразный городъ Одесса.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Отъ автора	5
Мадамъ Ленина	7
Мадамъ Троцкая	12
Феликсъ Дзержинскій	18
Петерсъ	21
Максимъ Горькій	26
Евдоргъ Шалвинъ	31
Мартовъ и Абрамовичъ	38
Керенскій (Первый портретъ)	44
Керенскій (Второй портретъ)	51
Керенскій (Третій портретъ)	58
Валтійскій матросъ	65
Советскій учитель	73
Архивка образца 1922 года	80

ВСѢ ПРАВА, ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ И ПРАВО ПЕРЕВОДА
НА ДРУГІЕ ЯЗЫКИ СОХРАНЕНЫ ЗА «INTERNATIO-
NALE COMMERCIALE REVUE».

COPYRIGHT 1923 BY THE «INTERNATIONALE COM-
MERCIALE REVUE», PRAG.

Аркадий Аверченко

Двенадцать портретов

Часть прибыли от данного издания направляется в Фонд поддержки народно-творческой инициативы

Аверченко А.
Двенадцать портретов
– М.; АПИ МК СССР, 1990. – 88 с.
Брошюра воспроизводит
издание 1923 года.

Агентство поддержки инициативы
и пионерных начинаний.
103009, Москва,
Средний Кисловский пер. 3.

